
РОЛЬ США В РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

А.М. Гурбангельдиев

Кафедра прикладного анализа международных проблем
Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

В рамках стратегии глобального лидерства для США выгодно сотрудничество с региональными державами. В начале XXI в. в ближневосточном регионе Соединенные Штаты делали ставку на Турцию, но «неоосманские» амбиции турецкого правительства вызвали настолько сильные опасения у Вашингтона, что с целью контроля влияния Турции на соседние государства США решили ограничить посредническую роль Анкары в полном конфликтов и раздоров регионе, отдавая прерогативу другим суннитским странам. В то же время для сдерживания суннитских стран в целом США решили смягчить позицию относительно шиитского Ирана — давнего политического противника. Ситуация в Ираке и пассивная позиция США в Сирии позволили шиитскому Ирану расширить сферу влияния в регионе. Возникшее суннитско-шиитское противостояние на Ближнем Востоке спровоцировало рост экстремизма в регионе, а также вооруженный конфликт в Йемене. Одной из главных проблем, представляющих угрозу безопасности для региона и всего мира, является недавно возникшая радикальная террористическая организация ИГИЛ, для борьбы с которой США оказывают военную и техническую поддержку иракским курдам, стремящимся к суверенности. Возможность возникновения курдского государства в регионе, в свою очередь, представляют угрозу территориальной целостности Ирана, Турции, Сирии и Ирака.

Ключевые слова: США, Турция, Иран, Саудовская Аравия, Йемен, суннитская коалиция, «шиитский пояс», суннитско-шиитское противостояние, хуситы, Иракские курды, ИГИЛ, Баб-эль-Мандебский пролив.

В истории США начало XXI в. ознаменовалось как период, когда неоконсерваторы администрации Дж. Буша-мл., выгодно используя трагические события 11 сентября 2001 г., смогли реализовать проекты, подготовленные в течение восьми лет правления демократов. С 1990-х гг. прошлого столетия они искали повод для свержения «неудобного» режима С. Хусейна, не раз подвергали критике администрацию У. Клинтона за доктрину в отношении Ирака и Ирана, получившую название «двойного сдерживания» (Double Containment), считая, что США должны были принять более жесткие меры.

Неоконсерваторы смогли быстро переориентировать всеобщее внимание после свержения режима Талибан в Афганистане на Ирак, для чего в 2002 г. в рамках стратегии «глобальной борьбы с терроризмом» была разработана концепция «стран оси зла», в которую включили «государства и режимы, поддерживающие мировой терроризм». Американское вооруженное вторжение в ближневосточный регион было продолжено в рамках этой концепции. В 2003 г. был свергнут «неудобный» режим С. Хусейна в Ираке.

«Глобальная борьба с терроризмом» напомнила нашушевшую концепцию «столкновения цивилизаций», выдвинутую в начале 1990-х гг. американским политологом С. Хантингтоном. По этому поводу Джозеф Най-мл., автор концепции «мягкой силы», писал, что борьбу США против «исламского терроризма» не стоит рассматривать как «столкновение цивилизаций». Ученый утверждал, что это не что иное, как гражданская война внутри исламского мира между умеренными мусульманами и экстремистами, при этом рекомендовал поддержать умеренных [17. С. 131]. В рамках политики по борьбе с терроризмом Турция во главе с про-исламской Партией Справедливости и Развития (ПСР) могла бы быть достойным партнером для США в реструктуризации ближневосточного региона.

Во внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов Турции была отведена роль «образца» для стран Ближнего Востока. Президент Дж. Буш-мл. заявлял, что это «модельная страна», соединяющая в себе светскость, ислам и демократию [11]. Вступление Турции в Международные силы содействия безопасности (МССБ) на территории Афганистана позволило США представить мировому сообществу проводимые ими военные операции не в виде «крестового похода» против исламского мира, а как «борьбу с терроризмом» в целом.

Между тем Соединенные Штаты, сделавшие ставку на Турцию, не смогли добиться от нее должного содействия в военной кампании против Ирака. 1 марта 2003 г. Парламент Турции принял решение отказать администрации Дж. Буша-мл. в предоставлении турецкой территории для размещения американских войск. Отказавшись от содействия в иракской войне, Турция как стратегический партнер США лишилась возможности принять участие в формировании послевоенного Ирака. Свержение администрацией Дж. Буша-мл. режима Саддама Хусейна привело к тому, что Ирак оказался под сильным влиянием давнего политического оппонента США — шиитского Ирана [13].

Рост авторитета ИРИ не устраивал ни Вашингтон, ни многих региональных соседей. Как отмечали американские политологи, из соображений безопасности Соединенные Штаты посчитали более выгодным оказывать поддержку суннитским режимам региона в противовес росту и развитию шиитского Ирана [12. С. 275; 15. С. 89].

Еще одной точкой преткновения между Вашингтоном и Тегераном была иранская ядерная программа. Для урегулирования этого вопроса администрация Дж. Буша-мл. после длительного разрыва в дипломатических отношениях между двумя странами (с 1979 г.) проявила инициативу, сделав прагматичный и гибкий шаг: если Иран свернет программу по обогащению урана, то США готовы сесть за стол переговоров [10]. В противном случае Соединенные Штаты намеревались оставить Иран в «одиночестве», начиная с ужесточения прежних экономических санкций вплоть до проведения военной операции. На фоне этой американской инициативы Анкара решила принять активное участие, оказывая посредническое содействие для достижения консенсуса между США и Ираном, с которым она сохраняла хорошие, добрососедские отношения [1. С. 147].

Турция, устремленная к одновременной интеграции с Западом и исламским миром, всегда занимала стратегически важное положение «связующего звена»

между ними, и положение Анкары как посредника еще больше укрепилось в рамках разрешения иранского ядерного вопроса, сулившего спровоцировать «конфронтацию цивилизаций» [3. С. 60]. Выполняя «образцовую» миротворческую миссию, Турция постепенно наращивала политический вес в регионе, негласно претендуя на роль регионального лидера. Ее амбиции, связанные с желанием занять место и укрепиться за столом, где решаются международные вопросы, привлекли всеобщее внимание [2. С. 293].

С приходом к власти администрации Б. Обамы дипломатические переговоры по поводу иранской ядерной программы стали вестись более интенсивно, причем роль посредника наряду с Турцией выполняла и Бразилия — два непостоянных члена Совета безопасности ООН. В мае 2010 г. главы МИД Ирана, Турции и Бразилии подписали в Тегеране соглашение об обмене низкообогащенного иранского урана на высокообогащенное топливо для тегеранского научно-исследовательского реактора, но этот договор не предусматривал прекращения продолжавшейся иранской стороной ядерной программы. В этой связи в июне 2010 г. США в Совете безопасности ООН поставили на голосование вопрос об ужесточении санкций против Ирана, хотя результатам трехсторонних переговоров была дана положительная оценка с рекомендацией о продолжении. Турция и Бразилия проголосовали против пакета дополнительных санкций, обосновав свое решение тем, что они станут причиной прекращения переговоров [14. С. 28]. Анкара и Вашингтон не смогли прийти к общему знаменателю в решении иранского ядерного вопроса.

В конце 2010 г. начались события так называемой «арабской весны», которые дестабилизировали ситуацию на Ближнем Востоке. Падение авторитарных режимов в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене, а также восстания в Сирии и Бахрейне подорвали политический порядок в регионе. Турция выступала против авторитарных режимов региона, поддерживав народы этих стран. В период «арабской весны» многие страны Ближнего Востока, где происходили демонстрации, приняли Турцию как «модель» для своего развития. Турция, не будучи исламским государством, с выраженной религиозно-демократической идентичностью, была воспринята как страна с большим потенциалом на региональном и глобальном уровнях. Администрация США во главе с Б. Обамой не оставила без внимания этот факт и решила использовать ситуацию в своих интересах, прежде всего существовавшую конкуренцию между Турцией и Ираном.

Наделение Турции особой ролью «модели» ощутимо задела лидерские амбиции Ирана. Несмотря на активное экономическое сотрудничество двух стран в течение первого десятилетия XXI в., Анкаре и Тегерану стало все труднее договариваться по ряду внешнеполитических вопросов: в частности, по Ираку и Сирии. Когда правительство Турции поддержало сирийских повстанцев, «шиитский блок» во главе с Ираном, в состав которого входили Ирак и Ливан, оказывал поддержку режиму Б. Асада всеми возможными способами [6]. На фоне происходивших событий и формирования «нового регионального порядка» конкурентная политика Турции и Ирана была направлена в первую очередь на реализацию интересов каждой из сторон [14. С. 7—9]. В докладе Центра ситуационного анализа

(ЦСА) РАН, опубликованного в 2012 г., указано, что соперничество и столкновение интересов Турции и Ирана в Ираке и Сирии в итоге может стать источником конфликтов между суннитами и шиитами, как в отдельных странах, так и в регионе в целом [5. С. 36].

Особое отношение к Турции со стороны США задевало лидерские амбиции Саудовской Аравии, привыкшей считать себя главной в исламском мире. Турция, признав власть «Братьев-мусульман», после свержения режима Х. Мубарака в Египте оказалась в конфронтации с «суннитским блоком» арабских стран во главе с Саудовской Аравией, в состав которого входили ОАЭ, Бахрейн, Кувейт, Иордания и др.

Стремление Турции стать лидером исламского мира испортило отношения не только с Ираном и Саудовской Аравией и их союзниками, но и с давним стратегическим партнером в регионе — Израилем. Турецкое правительство оказалась перед дилеммой: с одной стороны, ему было выгодно сохранение прежних отношений с Израилем, с другой — на фоне арабо-израильского конфликта сотрудничество с Тель-Авивом лишало страну возможности лидировать в исламском мире. Сохраняя ориентацию на лидерство, руководство ПСР решило использовать арабо-израильский конфликт для завоевания максимального количества голосов мусульманской части населения на парламентских выборах 2011 г. [1. С. 133]. Выступления премьер-министра Р. Эрдогана, планировавшиеся в основном как политический ход внутри страны в рамках предвыборной кампании, отразились и на внешней политике. В конечном счете турецко-израильские отношения резко ухудшились.

Рост влияния Турции в регионе и вместе с этим возрождение неоосманских амбиций происходили на фоне падения имиджа США на Ближнем Востоке. Это вызывало беспокойство у многих американских политиков: появились опасения возникновения «неконтролируемого конкурента» [9. С. 322]. В свою очередь, потерявшая «политическую бдительность» Турция воспринимала реакцию США как повышение внимания к себе и своей значимости [8. С. 21]. Напротив, американские политики отказались от идеи Турции как «модельной страны» и не были заинтересованы в том, чтобы отводить ей слишком большую роль в посреднической деятельности.

Хотя историческое прошлое и культурные традиции Турции дали ей основание претендовать на важное участие в решении региональных и глобальных проблем, ее амбиции вызвали вспышку «постимперского синдрома» в странах «постосманского» пространства. Для США, не заинтересованных в возникновении регионального лидера с подобным масштабом влияния, было выгодно оказать поддержку конкурентам Турции в регионе.

Не сумев сохранить роль посредника, Турция оказалась втянутой в региональные конфликты. Так, в арабо-израильском конфликте, обвинив правительство Израиля в «государственном терроризме» [7], Турция встала на сторону арабов, в то же время во внутриарабском конфликте, в частности, в Сирии, выступила против режима Асада, оказав поддержку оппозиционерам, в числе которых, по мнению американцев, были и террористические группировки.

В связи с растущим влиянием Ирана в ближневосточном регионе расширилась сфера влияния шиитов. После свержения режима С. Хусейна в Ираке было сформировано шиитское правительство, иракские сунниты были полностью отстранены от руководства, что спровоцировало рост экстремизма среди них. Ущемленные в правах, они устремились присоединиться к вновь возникшей террористической организации ИГИЛ, объявивший себя исламским государством и халифатом. Эта крайне радикальная террористическая организация фактически сменила Аль-Каида, представляя угрозу всему миру.

Между тем влияние шиитского Ирана продолжает распространяться в другие страны региона, обретая масштабный характер. В частности, Иран, поддерживая движение хуситов в Йемене, стремится контролировать Баб-эль-Мандебский пролив, соединяющий Красное море с Индийским океаном. Коалиция арабских суннитских стран во главе с Саудовской Аравией, ощутив серьезную угрозу своим интересам со стороны шиитов, приняла решение о проведении военной операции в Йемене против движения хуситов. Это противостояние носит асимметричный характер, поскольку одну сторону представляют шиитские повстанцы, а другую — превосходящие их по оснащенности и профессиональной подготовке правительственные войска нескольких суннитских стран. *Отметим, что эта асимметрия сил может подтолкнуть шиитских хуситов в Йемене на путь экстремизма, подобно суннитам в Ираке (ИГИЛ).*

Можно предположить, что стратегия США на Ближнем Востоке привела к разделению мусульманских стран в регионе: Турция, «шиитский пояс» во главе с Ираном и арабская суннитская коалиция во главе с Саудовской Аравией. Это мнение подтверждает высказывание секретаря Лиги арабских государств (ЛАГ) Набиля аль-Араби о том, что вмешательство Турции и Ирана наряду с Израилем в дела стран Ближневосточного региона вызывает в них хаос [4]. Таким образом, арабский мир «отделился» от суннитской Турции и шиитского Ирана.

С приходом к власти Б. Обамы США изменили методы борьбы с террористической угрозой на Ближнем Востоке с непосредственного участия на опосредованное. Постепенно Вашингтон сократил военное присутствие в Ираке и Афганистане — со 180 тысяч солдат до почти 15 тысяч. Отдавая приоритеты целенаправленным контртеррористическим операциям и подавлению роста экстремизма и радикализма, США решили оказывать военную и материально-техническую поддержку союзникам в «борьбе против терроризма» [16. С. 7—9]. В частности, в борьбе против ИГИЛ Вашингтон сделал ставку на курдов Северного Ирака. В свою очередь, иракские курды запланировали использование сотрудничества с Америкой в создании своего независимого государства. *Есть основание полагать, что в ближайшем будущем в ближневосточном регионе наряду с Турцией, Ираном и ЛАГ будет еще один влиятельный «игрок» — курды.*

В исследованиях отдельных американских «мозговых центров» особое внимание уделяется треугольнику: России, Турции и Ирану как державам, постепенно набирающим мощь и как «наследникам» трех больших евразийских империй, тщательно изучаются их стратегии. В этом контексте для США представляют особую стратегическую значимость сбалансированные взаимоотношения с этим

политическим «треугольником». С 1979 г. Иран является политическим оппонентом США, а с 2011—2012 гг. отношения США с Турцией и Россией стали более напряженными. *В конечном счете Соединенные Штаты для сохранения «баланса сил» были вынуждены смягчить свою позицию в отношении Ирана.*

В 2015 г. в главном внешнеполитическом документе США, «Стратегии национальной безопасности», впервые появилось упоминание о суннитско-шиитском конфликте на Ближнем Востоке: «США будут поддерживать усилия, позволяющие обеспечить деэскалацию религиозной напряженности и насилия между шиитами и суннитами во всем регионе» [16. С. 26]. Это свидетельствует о том, что Вашингтон планирует принять активное участие в разрешении суннитско-шиитского противостояния. *Однако последствия американского участия могут иметь непредсказуемый характер. Американская концепция «распространения демократии» на фоне событий последних полутора десятилетий у народов Ближнего Востока ассоциируется как «агрессия», «военное вторжение». В этой связи Соединенным Штатам придется приложить особые усилия, чтобы план «деэскалации суннитско-шиитского конфликта» не был воспринят как «эскалация», «нагнетание» ситуации в регионе.*

* * *

Внешнеполитическая стратегия США направлена на установление и расширение контроля в стратегически важных регионах, а также предотвращение возникновения центров силы как возможной угрозы безопасности США. Под лозунгом «разработки планов совместных действий с другими главными центрами глобального влияния» США, как правило, подразумевают создание условий для их сдерживания.

Американская политика реструктуризации Ближнего Востока фактически привела к дестабилизации ситуации в регионе. В конъюнктуре сегодняшних событий ситуация на Ближнем Востоке сложилась таким образом, что при американском участии созданы взаимосдерживающие, конкурирующие между собой «центры силы»: суннитские арабские страны во главе с Саудовской Аравией, «шиитский пояс» во главе с Ираном и Турция. Помимо этого США оказывают военнотехническую поддержку стремящимся к собственной государственности курдам, проживающим на территории Ирана, Турции и нескольких арабских стран.

В интересах безопасности стран Ближнего Востока, их процветания и развития существующие «центры силы» региона должны прийти к консенсусу в вопросах урегулирования региональных конфликтов, что позволит создать все необходимые условия для политической стабильности в регионе, в том числе и для борьбы с терроризмом.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Восток в мировой политике / Под ред. В.С. Ягья. Вып. 4. СПб.: Нестор-История, 2009.
- [2] Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013.

- [3] Турция на рубеже XX—XXI веков / Отв. ред. И.В. Зайцева, Н.Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2008.
- [4] Турция отвергла обвинения главы ЛАГ во вмешательстве в страны региона // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20150331/1055786605.html#ixzz3XEAtkoQw>.
- [5] Турция: новая роль в современном мире / Примаков Е.М. и др. М.: ЦСА РАН, 2012.
- [6] *Bakeer A.H.* İran’ın Suriye’ye yönelik tutumunun analizi // USAK. Analiz No:17, Şubat 2012.
- [7] *Barkey H. Abromowitz M.* The Turkish American Split // The National Interest. 2010, June 17.
- [8] *Cagaptay S.* The New Turkey and U.S. Policy // A Washington Institute. Strategic Report No. 11, January 2013.
- [9] *Fraser T., Mango A., McNamara R.* The Makers of the Modern Middle East. London: Haus Publishing, 2011.
- [10] *Hadley S.J.* The George W. Bush Administration // U.S. Institute of Peace. Available at: <http://iranprimer.usip.org/resource/george-w-bush-administration>.
- [11] Hurriyet Daily News. 27.06.2002.
- [12] *Jones B., Pascual C., Stedman J.* Power & Responsibility: Building International Order in Era of Transnational Threats. Harrisonburg/Virginia. R.R. Donnelley. 2009.
- [13] *Kane S.* The Coming Turkish Iranian Competition in Iraq // Special Report. U.S. Institute of Peace, June 2011.
- [14] *Larrabee F.S., Nader A.* Turkish-Iranian Relations in a changing Middle East // RAND Corporation Research Report. 2013.
- [15] *Larrabee F.S., Rabasa A.* The Rise of Political Islam in Turkey // RAND Corporation Research Report. 2008.
- [16] National Security Strategy of U.S. February 2015. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf.
- [17] *Nye J.Jr.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.

THE U.S. ROLE IN RESTRUCTURING THE MIDDLE EAST

A.M. Gurbangeldiyev

Department of Applied Analysis of International Problems
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
Ministry of Foreign Affairs of Russia
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

Within the framework of global leadership strategy, cooperation with regional powers turns out to be beneficial for the U.S. In the beginning of the XXI century, the United States relied on Turkey in the Middle East, but “neo-Ottoman” ambitions of Turkish government have caused such strong fears in Washington that in order to control its influence on the neighboring countries, the United States decided to limit the mediating role of Ankara in overall conflicts and dissensions in the region, by giving the prerogative to the other Sunni countries. At the same time, in order to deter the Sunni countries as a whole, US decided to soften its stance on Shiite Iran — a longtime political opponent. The situation in Iraq and the passive position of the U.S. in Syria allowed Shiite Iran to expand its influence in the region. The emerging Sunni-Shiite conflict in the Middle East provoked the rise of extremism in the region, as well as the armed conflict in Yemen. One of the main problems

that threatens the regional and global security is a newly emerged radical terrorist organization ISIL, which to fight against, the U.S. provides a military and technical support to the Iraqi Kurds striving for their own sovereignty. The possibility of a rise of a Kurdish state in the region, in turn, poses a threat to the territorial integrity of Iran, Turkey, Syria and Iraq.

Key words: USA; Turkey; Iran; Saudi Arabia; Yemen; Sunni coalition; Shia crescent; Sunni-Shiite confrontation; Houthis; Iraqi Kurds; ISIL; Bab-el-Mandeb.

REFERENCES

- [1] Aktual'nye problemy mirovoj politiki v XXI veke. Vostok v mirovoj politike. Edited by V.S. Jag'ja. Vol. 4. SPb.: Nestor-Istorija, 2009.
- [2] Megatrendy: Osnovnye traektorii jevoljucii mirovogo porjadka v XXI veke: Uchebnik. Edited by T.A. Shakleinoj, A.A. Bajkova. Moscow, ZAO Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2013.
- [3] Turcija na rubezhe XX—XXI vekov. Edited by I.V. Zajceva, N.Ju. Ul'chenko. Moscow: IV RAN, 2008.
- [4] Turcija otvergla obvinenija glavy LAG vo vmeshatel'stve v strany regiona. *RIA Novosti*. Available at: <http://ria.ru/world/20150331/1055786605.html#ixzz3XEAtkoQw>. Accessed: 31.03.2015.
- [5] Turcija: novaja rol' v sovremennom mire / Primakov E.M. i dr. Moscow: CSA RAN, 2012.
- [5] Bakeer A.H. İran'in Suriye'ye yönelik tutumunun analizi. *USAK. Analiz* No.17, Şubat 2012.
- [6] Barkey H. Abromowitz M. The Turkish American Split. *The National Interest*, 2010. June 17.
- [7] Cagaptay S. The New Turkey and U.S. Policy. *A Washington Institute. Strategic Report* No. 11, January 2013.
- [8] Fraser T., Mango A., McNamara R. The Makers of the Modern Middle East. London, Haus Publishing, 2011.
- [9] Hadley S.J. The George W. Bush Administration. *U.S. Institute of Peace*. Available at: <http://iranprimer.usip.org/resource/george-w-bush-administration>.
- [10] Hurriyet Daily News. 27.06.2002.
- [11] Jones B., Pascual C., Stedman J. Power & Responsibility: Building International Order in Era of Transnational Threats. Harrisonburg/Virginia. R.R. Donnelley. 2009.
- [12] Kane S. The Coming Turkish Iranian Competition in Iraq. *Special Report. U.S. Institute of Peace*. June 2011.
- [13] Larrabee F.S., Nader A. Turkish-Iranian Relations in a changing Middle East. *RAND Corporation Research Report*. 2013.
- [14] Larrabee F.S., Rabasa A. The Rise of Political Islam in Turkey. *RAND Corporation Research Report*. 2008.
- [15] National Security Strategy of U.S. February 2015. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf.
- [16] Nye J.Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.